

The conversation without self-exposing

*An Interview with the Rector of the St. Petersburg State Conservatory,
People's Artist of Russia, Professor Mikhail Gantvarg*

Разговор не о себе

*Беседа с ректором Санкт-Петербургской консерватории,
Народным артистом России, профессором
Михаилом Ханоновичем Гантваргом*

Текст интервью всегда неполон: перенесенный на бумагу, он теряет обаяние живого общения и не передает непредсказуемых эмоциональных подтекстов, особенно если твой собеседник — человек несомненно артистичный, сумевший и в «административном мундире» сохранить неповторимое чувство юмора и способность оставаться в первую очередь музыкантом-солистом.

Зивар Гусейнова. *Что Вы считаете для себя приоритетным в своей работе: регулярный учебный процесс, концертную и научную жизнь, административно-хозяйственную деятельность, если понимать ее как более или менее комфортное существование Консерватории?*

Михаил Гантварг. Я думаю, что Вы, конечно, правильно сформулировали. На первом месте все-таки учебный процесс, который должен быть обеспечен административно-хозяйственным образом, и, естественно, концертная и научная жизнь. Она являет собой определенные промежуточные этапы, необходимые для осознания того, насколько качественно обеспечен идущий непрерывно учебный процесс. Либо научное мероприятие, либо какой-то фестиваль дают нам возможность проверить, в правильном ли направлении мы идем в своей работе. По их итогам мы принимаем решение: вернуться ли немного назад, отклониться ли «влево» или «вправо». Поэтому, конечно, обучение и концертно-научная жизнь взаимосвязаны.

З.Г. *А нашу административно-хозяйственную деятельность мы рассматриваем как приложение?*

М.Г. Трудно ответить однозначно. Пришел, например, ко мне один наш замечательный композитор и сказал: «Вот, если у меня не будет доски с нотным станом,

то я не смогу работать. Меня в прошлом году не было, я болел, и теперь у меня рука уже не поднимается разлиновывать доску». Я отвечаю: «Конечно, обеспечим». Здесь проблема, поскольку есть просто доски, а как делать разлинованные доски, я не знаю. Но, тем не менее, эту проблему мы решили, но не знаю точно, как: то ли мы ее сами разлиновали краской, то ли все-таки купили нужные доски. Это один из простых вариантов, сложнее другое. Мы же живем в достаточно суровых климатических условиях, зимой очень холодно, в окна дует, а летом — жарко, но окна уже не открываются, поскольку заколочены гвоздями. Как это ни печально, но без этого нормально функционировать мы не можем. Это неправильно, поскольку и студенты, и профессора, и сотрудники должны работать в нормальных человеческих условиях.

З.Г. *...и Вы лишь со смирением выполняете эту работу?*

М.Г. Иногда со смирением, иногда с внутренним раздражением, особенно когда приезжают наши китайские партнеры и показывают, что у них все сделано, все подготовлено к проведению занятий и нужно только направлять к ним людей, которые будут там учить студентов. Я, конечно, в этом отношении им завидую. Понятно, что все хотят с нами дружить, но не потому, что мы

такие замечательные в административно-хозяйственном аспекте и у нас прекрасные условия. Самое большое богатство Консерватории — наша профессура, которая может научить и китайцев, и корейцев, и приезжающих из самых разных стран, и, самое главное, — наших.

З.Г. Вы плавно перевели наш разговор в тот ракурс, который я предполагала обозначить: насколько, с Вашей точки зрения, жизнь и работа Консерватории вписываются в общую музыкальную жизнь России и в дружество с другими странами. Вопрос связан не столько с тем, что мы учим иностранцев, но и с тем, что многие наши выпускники и студенты работают за пределами России. Насколько это оправданно с точки зрения наших перспектив?

М.Г. Видите ли, ситуация с музыкальным образованием в России в целом очень тяжелая, очень напряженная — и с образованием, и с концертной деятельностью, и, в первую очередь, конечно, с оркестрами, точнее, с наполняемостью этих коллективов. Если оркестрант живет в Петербурге или Москве, у него все складывается более или менее благополучно. Но многие оркестры, которые существуют на периферии, бедствуют: у них может не быть фаготистов или кларнетистов, даже дирижеров, у них просто нет комплекта симфонического оркестра (я уже не говорю о его финансовом обеспечении). То же самое положение — в театрах. Поэтому востребованность наших выпускников очень высокая, но финансовые условия крайне трудные. Вот в Америке, например, все равно, где ты живешь: в Бостоне или Нью-Йорке, Сан-Диего или Филадельфии: одни и те же магазины, одна и та же жизнь — все выровнено, нивелировано (может быть, лишь Нью-Йорк в чем-то отличается). В этом есть положительные качества. У нас же никто не хочет ехать на периферию. Вчера я получил бумагу из города Иваново (наш бывший «город невест»). У них симфонический оркестр: четыре первых скрипки, три вторых, четыре виолончели, нужны гобоист, два флейтиста, но зарплата — 15 тысяч. Кто может туда, в Иваново, поехать? Если бы платили 150 тысяч, желающих было бы много. При том, что я не социалист, и вообще никогда не считаю чужие деньги, никогда не думаю о том, что кому-то много платят. Я рад тому, что зарплаты, например, в Мариинском театре позволяют социально держать людей на поверхности. Но... остальные же становятся просто обесцененными. Музыкант не может получать в месяц 15 тысяч, он уже с пяти лет занимается музыкой, в течение почти двадцати лет готовит себя к профессии. А на выходе, отучившись одиннадцать лет, сначала в школе, потом в училище, а потом еще пять лет в Консерватории, он должен получить 15 тысяч. А при этом кто-то получает 150 тысяч. А ведь уровень профессиональных возможностей не настолько уж и различен. Я считаю это серьезной социальной проблемой, которая, если ее не решать, в конечном счете взорвет саму систему. Большинство музыкантов получает мало. Печально, что все время приходится говорить о финансировании, о деньгах; нам полагается думать о высоком,

о духовности. Глядя на наших молодых людей, мне становится их жаль: с одной стороны, они не мыслят своего существования без музыки, и я их понимаю. С другой же стороны, постоянно нахожусь в атмосфере сожаления: я испытываю чувство жалости к ребятам, зная, какие трудности им предстоят.

З.Г. Мой следующий вопрос естественно проистекает из уже затронутых Вами аспектов. Консерватория стара, коллектив также немолод, условий — моральных, кадровых и финансовых — для изменения ситуации практически нет. Вы предоставляете решение проблемы естественному ходу событий, или у Вас есть какие-то возможности влиять на процесс?

М.Г. Возможности влиять на процесс у меня практически нет, поскольку и здесь — проблема социальная, поскольку многого я не могу и не хочу делать. Я не могу просто уволить человека, который 50 лет отдал консерватории. Как я ему скажу: «Спасибо, Вы уходите на пенсию». Если бы он получал хотя бы такую же пенсию, как зарплату в Консерватории, мне было бы значительно проще, по крайней мере, я бы мог ставить во главу угла только его профессиональные качества: нужен этот человек Консерватории или не нужен. Но у меня ведь ситуация другая, я понимаю, что если я сегодня кому-нибудь говорю: «Спасибо, в Ваших услугах мы больше не нуждаемся», то понимаю, что обрекаю его на трудное существование. Хорошо, если у человека есть родные и близкие, которые могут его поддержать, возможно, содержать. А если нет? Поэтому я просто не имею морального права так поступать. Это одна сторона вопроса, но есть и другая. Я считаю, что огромный потенциал, который заложен в нашей Консерватории, существует во многом благодаря нашим старейшим профессорам. Они, во-первых, обеспечивают неразрывность традиций, школ, которые мы не имеем права терять. Если мы их утратим, это станет настоящим крахом. Хотя, например, чиновники в Министерстве культуры, считая себя новаторами, очень хотят внедрять у нас Болонскую систему, совершенно неприемлемую в нашем образовании. Я прошу их: «Давайте сравним наши достижения в подготовке музыкантов за последние 40 лет и тех, кого взрастили по Болонской системе». Сделать это просто невозможно, поскольку результаты совершенно несопоставимые. Поэтому я нахожусь в том тяжелом положении, когда Министерство культуры все время требует от меня проведения «оптимизации», но не за счет вливания денег, а за счет экономии средств. Логика простая: надо убрать профессора, лучше двух, а на их место взять преподавателя. Качество преподавания сразу снизится, но финансовая выгода очевидна. Александр Герцен говорил: «Грандиозные вещи делаются грандиозными средствами, одна природа делает великое даром». Это трудно объяснить чиновникам, как и то, что наши профессора не заслужили такого к себе отношения.

З.Г. Насколько Вы ощущаете помощь, сочувствие и поддержку коллектива? Работаете ли Вы в комфорт-

ных условиях, или Вы ощущаете определенное противодействие? Работы каких сфер и подразделений вызывают наибольшие осложнения?

М. Г. Несмотря на то, что вся моя жизнь связана с Консерваторией, с Театральной площадью, с нашей Школой, но в ректоры, считаю, я попал случайно. Никогда даже в страшном сне мне не могло привидеться, что я стану руководителем не только нашей Консерватории, но даже меньшего подразделения. Меньше всего я люблю решать человеческие судьбы, определять, что кому-то следует давать или не давать, меня всегда отпугивала необходимость участвовать в каких-то коллизиях. Итак, вопрос заключался в сочувствии и поддержке коллектива. Я сам сочувствую коллективу и самому себе. У меня никаких амбиций по поводу собственных руководящих талантов нет, я никакого не увольнял, никого в руководстве Консерватории не менял; у меня нет знакомых, которые занимались бы строительством, или бухгалтерией, или юриспруденцией и которых я хотел бы пригласить на работу. У меня все друзья и знакомые — музыканты. Я работаю с вами, мои друзья и товарищи, которые работали до меня. Конечно, в работе случаются конфликты, тем не менее, я никого не менял, и основной своей задачей считаю обеспечение нормального, комфортного состояния студентов, педагогов, профессоров Консерватории, чтобы все могли заниматься своим делом. Мое твердое убеждение: никто не приходит работать плохо, все хотят работать хорошо и стараются делать это. Значит, моя задача — избежать каких-то конфликтных ситуаций, которые практически всегда можно безболезненно разрешить, чтобы все работали спокойно, чтобы никому не было противно приходиться на работу, чтобы они не чувствовали никакого противодействия. Понятно, что если возникают серьезные ситуации, я всегда довожу их до общего сведения. Конечно, к огромному сожалению, решение все равно приходится принимать мне. Оно может быть коллективным, может быть индивидуальным, но оно все равно персонифицируется моим именем, и я готов к этому.

З. Г. Авторитарны ли Вы как руководитель или придерживаетесь либеральной системы общения с коллективом?

М. Г. По своим убеждениям я — либеральный человек, но с авторитарными наклонностями. Бенджамин Дизраэли, британский премьер-министр, как-то отметил: «У того, кто в шестнадцать лет не был либералом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы». Как тут возразить? Я, например, убежден, что человек должен быть дисциплинированным и выполнять свои обязанности максимально честно. Если каждый будет этим заниматься, то и руководить особенно не надо. Я иногда пугаю своих коллег: «Вот приду к Вам в класс в 9.30 и проверю, Вы на работе или нет, поскольку само я уже в 9 часов на работе». Я, конечно, этого не делаю и понимаю, что в моем запугивании нет никакого смысла, ведь важно, чтобы работа была сделана, а принцип

«в 9.30 со звонком быть на месте» малоэффективен. Поэтому я — либерал, а с другой стороны, когда дело касается уже результата, я хочу, чтобы он был, чтобы мне никто не сказал: «Я не могу этого сделать потому-то и потому-то...» Я должен устранить препятствие, чтобы работа шла спокойно.

З. Г. Насколько инициативны, с Вашей точки зрения, сотрудники Консерватории? Как часто они предлагают организовать какую-либо акцию или провести мероприятие? Сводится ли Ваша функция лишь к поддержке, или Вам приходится заниматься еще и организацией (мой вопрос не касается финансов, ответ на него всегда однозначен)?

М. Г. Нет, я считаю, что наш коллектив достаточно инициативный. Инициатив много, часто они очень интересные, обидно, что многие из них невыполнимы по финансовым соображениям — по тем затруднениям, которые мы испытываем. Поскольку все люди творческие, поэтому возникают интересные идеи, которые вполне могли бы быть востребованы. Хотя я не устаю повторять, что мы — Консерватория, наша задача — придерживаться традиционных принципов обучения и не шарахаться влево или вправо, не растерять того, что нам дано нашими учителями. Наша задача — постараться это сохранить и передать последующим поколениям. Это очевидная мысль, о которой часто забывают, но вспомним предостережение мудреца: «Ты всегда упускаешь Истину, потому что она слишком проста» (Рам Цзы).

З. Г. Ваш контакт с преподавательским коллективом происходит постоянно — на заседаниях Ученого Совета, на различного рода собраниях. А как часто Вы общаетесь с учащимися — студентами и аспирантами? Испытываете ли Вы необходимость в таких контактах или лишь соглашаетесь на просьбы учащихся о встрече с Вами?

М. Г. Могу сказать так, что на первом этапе я довольно часто собирал старост всех факультетов. Но понял, что это не очень эффективно. Они все хором собираются, их вопросы разносторонние, но иногда уводят совершенно в другую сторону, начиная с того, будет ли у нас стол для пинг-понга, и кончая тем, что в классе 98 дует из окна. Хотя, еще раз подчеркну: я люблю общаться с молодыми людьми. У них хорошие мозги, у моего поколения они устроены по-другому. Ребята совершенно иначе смотрят на какие-то проблемы и делают это правильнее, чем мы. Но я не готов поступить так, как, например, в некоторых вузах, когда выбранный студент становится ректором, он назначает проректоров, и они все вместе «рулят». Думаю, что день их «рулежки» обязательно закончится двумя месяцами наших реставрационных работ. Но, тем не менее, есть у меня связь со студентами. Наш сотрудник П. Е. Гучев, куратор по работе с учащимися, находится в постоянном контакте с ребятами, поэтому я в курсе всех студенческих проблем.

Что касается аспирантов, то это уже совсем другая публика: они уже заматерели и приходиться к ним с «запу-

гиваниями» их я уже не считаю возможным. Свои проблемы они могут решать сами. Но, повторяю, двери моего кабинета всегда открыты для студентов, аспирантов, их родителей, их бабушек. Они тоже приходят: иногда жалуются, иногда просят. Недавно у меня состоялся разговор с милой бабушкой: «Внук у меня хороший, но вот экзамены не сдал» — «Сколько экзаменов не сдал?» — «Он всю сессию не сдал...» — «Так почему же он хороший?». Смешно, конечно, но что остается делать: мы не можем терять людей, мы должны думать о том, что мальчиков при отчислении ждет армия, после которой вернуться в Консерваторию им уже практически невозможно, и так далее.

З.Г. *Значительную часть контингента составляют внебюджетные учащиеся — иностранцы и студенты, не прошедшие при поступлении по конкурсу. Испытываете ли Вы проблемы с организацией их учебного процесса, стоит ли работать с ними по-особому, и как оцениваете их выпускной уровень?*

М.Г. Мы не должны забывать о том, что, во-первых, внебюджетные учащиеся обеспечивают значительную финансовую поддержку нашего учебного процесса. Во-вторых, международный авторитет и престиж нашей Консерватории настолько высок, что к нам стремятся приехать для обучения. Не забудем, что люди едут в чужую страну, что всегда сложно, и поначалу им особенно трудно. В-третьих, здесь разные ситуации: аспиранты — это люди уже со значительным опытом, во многом самостоятельные; сложнее студентам, которым зачастую не хватает профессиональной подготовки. Но очень напрягать их, я думаю, не стоит, они должны соединиться с общей студенческой массой, и каждый из них должен понимать, к чему он должен стремиться и работать самостоятельно. Если есть у человека стремление к совершенствованию и к самопознанию, то он должен сам сделать все возможное. Если же у него нет такой потребности (а такие тоже к нам приезжают), то, значит, он не получит того, что мог бы. Реноме и престиж Петербургской консерватории они нисколько не уронят даже у себя на Родине, и лишь со временем они поймут, что чего-то не добрали, исключительно по собственной вине. Наши профессора делают ведь все, чтобы научить их по-настоящему, чтобы они почерпнули как можно больше.

З.Г. *Мой последний вопрос, конечно, совершенно предсказуем: насколько решен вопрос с переездом Консерватории? Какова его предполагаемая длительность?*

М.Г. Мне на днях Леонид Евгеньевич [Гаккель] сказал: «Как-то Вы лихо отвечаете на вопросы о переезде!» Увы, сама жизнь заставляет это делать: будет куда ехать — поедем, но что придется ехать, уже не обсуждается. Есть целевая программа, в которую мы попали (я уж не знаю, по чьей инициативе). Я хочу быть оптимистом: если после всех наших переживаний мы, наконец, переедем, а потом въедем обратно в нашу *alma mater*, которая будет отвечать всем современным требованиям, не потеряв духа той Консерватории, которой сегодня уже 152 года, ее «намоленности», это будет замечательно. Конечно, весь период, который связан с нашим пребыванием в здании по улице Глинки, 2, мы будем стараться сделать комфортным. Надо помнить: сейчас не война, не эвакуация, не Ташкент. Нам будет, конечно, непросто, поэтому я обращаюсь ко всем: «Да, нам придется испытать трудности, но иначе не бывает». Если бы мы пошли по пути фрагментарного ремонта, разбивая его проведение по секциям, то это было бы куда длиннее. К тому же опыт Московской консерватории показывает, что результат не очень оптимистичен. Еще один аргумент: те помещения, которые нам передаются, жизненно необходимы — это площадь, почти равная нынешней площади Консерватории. У нас сейчас 20 тысяч квадратных метров, но из них 11 тысяч занимает Театр. Наши аудитории — это лишь 9 тысяч квадратных метров, а с получением помещений по улице Глинки мы добавляем еще столько же, если не больше. Поэтому мы сможем через два года облегченно вздохнуть и, наконец, избавиться от ситуации, когда учебное расписание составлено настолько плотно, что один педагог должен буквально выдвирать другого из класса. Надеюсь, это останется в прошлом. Все-таки стоит потерпеть, тем более что там нас будет защищать имя Глинки.

Беседовала заведующая кафедрой истории русской музыки Санкт-Петербургской консерватории, профессор, доктор искусствоведения, главный редактор журнала MUSICUS Зивар Махмудовна Гусейнова